

Встреча с поэтом

Имя поэта, нашего земляка, лауреата премии имени Тульского комсомола Владимира Лазарева широко известно в нашей стране.

Песни на его стихи часто звучат по Всесоюзному радио и Центральному телевидению, издаются в отдельных сборниках. Недавно, уже в этом году, издательство «Музыка» выпустило в свет сборник популярных песен в сопровождении балла «Любовь моя первая» на стихи Владимира Лазарева. Наш спец. корр. встретился на днях с поэтом, попросил его ответить на ряд вопросов, интересующих туляков.

— Владимир Яковлевич, несколько слов о Вашем новом сборнике песен «Любовь моя первая».

— В сборник вошли далеко не все песни на мои стихи. В нем 20 песен. Среди них «Парижская мелодия» («Рассказ французского рабочего») муз. О. Фельцмана, «Верезы», муз. М. Фрадкина, «Японский журавлик», муз. С. Туликова, «Письмо», муз. П. Аедоницкого, «Песня о счастье» из кинофильма «Наши знакомые», муз. М. Фрадкина, и другие произведения.

— Кто исполняет Ваши песни?

— В репертуаре многих солистов, таких как Юрий Гуляев, Людмила Зыкина, Клавдия Шульженко, Муслим Магомаев, Майя Кристалинская, Сергей Яковенко, Галина Ненашева, Лев Лещенко, есть песни, созданные мной в содружестве с московскими композиторами.

— Недавно на Всесоюзном радио прозвучала песенно-хоровая сюита «Приокские рассказы», созданная на Ваши стихи композитором Серафимом Туликовым. Это произведение крупно-жанровое. В чем его истоки, как оно создавалось?

— Меня волнует простор средне-русской нашей природы, ее ширь, ее исполнительный размах. Подумайте сами, Куликово

поле, Непрядва, Ясная Поляна, тургеневские места, великая родина Циолковского — волнение охватывает при одном упоминании мест, связанных с историей нашей Родины.

Вскоре прозвучит на Всесоюзном радио оратория «Письма живым», написанная мною в содружестве с молодым композитором Р. Мануковым. Ее исполнят солисты Большого театра В. Левко, М. Решетин, И. Фомина, прозаические отрывки прочитают артисты МХАТа. Хочу сказать, что песенные произведения крупного жанра влекут меня давно. Здесь больше простора поэтическому воображению, мастерству художника слова. В этом мне помогает уже накопленный опыт создания лирической поэмы.

— Часто вспоминаете нашу Тулу?

— Не вспоминаю, а как будто и сегодня живу в нем, городе моей юности. Где бы я ни выступал, всегда говорю о наших замечательных тульских уметьцах, о нашей прекрасной Ясной Поляне. Да что говорить — все мое творчество — это Тула, тульская земля, люди Тульского края. Горжусь, что молодые туляки удостоили меня звания лауреата премии им. Тульского комсомола. Это звание обязывает меня по многому. Тема Тулы — живая, органическая, неповторимая по силе тема всего моего творчества.

Вот и сейчас я работаю над поэмой о соратнике Ленина, видном деятеле первого в мире социалистического государства, с именем которого тесно связано установление Советской власти в Туле, о Григории Наумовиче Каминском. Уже сделанное называю пока не поэмой, а «штрихами к портрету».

По нашей просьбе Владимир Лазарев представил редакцию «МК» свое новое произведение, которое мы публикуем сегодня с некоторыми сокращениями.

Владимир ЛАЗАРЕВ

ГРИГОРИЙ КАМИНСКИЙ

(ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ)

«...Это была революция.
Старое сердце вселенной
забило по-новому».
Павло НЕРУДА.

РАЗГОВОР НОЧНЫХ УЛИЦ

Иногда по ночам
мне слышится
пульс фонарей.
Троллейбусы
спят беззвучно.
Трамваи
вздрагивают во сне.
Над городом
в звездном пространстве
плавают
одинокие светящиеся
окна.
И слышно, как улицы
разговаривают
друг с другом.
У них есть о чем
поговорить
у старых тульских улиц.
Улицы:
Арсенальная,
Дульная
и Штыковая
Улица Глеба Успенского
И улица Льва Толстого...
А в глубине низины
Кремль
посвечивает
тускло —
Каменный патриарх.
Звезды блестят кремнисто
Над башнями и зубцами.
О чем молчит этот старец?
А улицы говорят
В тишайшем многоголосье
На языке,
которому,
может быть,
нет названья.
Но я его явно слышу
И различаю
вздохи,
паузы,
восклицанья!

Это оживший эпос.
Улицы говорят.
Тяжко косноязычье
Каменной памяти этой,
Медленно продвиженье
Подзабытых слов.
Высеку я из камня
это живое слово,
Освобожу из камня
Хриплую эту речь.
И в очертаньях улицы
Встанет Григорий
Каминский.
И Фридрих Бундурин
крупно
Ему навстречу пойдет...

ВОЗДУХ РЕВОЛЮЦИИ

Здравствуй, товарищ
Каминский!
Ты мой родственник
дальний
По великому делу,
По великой стране.
Здравствуй, товарищ
Каминский!
Я к тебе приближаюсь,
Воздухом революции
Рядом с тобой дышу.
Вижу хмурые лица
Крестьян губернии
Тульской,
Стволы кулацких обрезов
Чувствую за спиной.
Голод, тиф и испанка
Рубят меня под корень,
Я валюсь, как деревья,
И поднимаюсь вновь.
Щеки мои западают.
Глаза становятся глубже.
Воздухом революции
Я упрямо лечусь.
Разреженный воздух этот,
Как самая лучшая музыка,
Гуляет в моих артериях,
Мне очищает кровь.
Здравствуй, товарищ
Каминский!

Что ж ты стоишь понуро
Возле окна ночного?
В черное смотришь
стекло...
Вчера привезли убитых...
Там среди них —
Бундурин.
Фридрих Бундурин...
Фридрих
Твой испытанный друг.
Он во главе отряда,
Посланного тобою,
В одном из уездов
Тульских
Искал для рабочих хлеб.
Под Новосилем где-то
Упали ребята молча.
Кулацкие пули люто
Прибили их всех к земле.
И губы твои чуть слышно
Сложилось в слова,
когда-то
Услышанные тобою
В деревне от старика:
«Умных пули стерегут,
Смелым головы секут!»
Революции без убитых,
Наверное, не бывает,
Ты хорошо это знаешь,
— В тебя стреляли не раз.
Все так. Только к смерти
друга
Нельзя все равно
привыкнуть.
Не дрогнет железная воля,
Но дрогнуло сердце твое...
И завтра на митинге
скорбном

Над свежей могилой
братской
Твое запыляет слово,
Смешавши слезы и гнев!

НАДО ВЫСТОЯТЬ

Стекались хмурые толпы.
Заводы пришли проститься
С детьми рабочих окраин,
Предать их тела земле.
Над черным
столпотвореньем,
Колеплющимся, дышащим,
Дымящимся и
неровным —
Пылающий красный цвет.
И вот поднялся
Каминский.
Толпа, качнувшись,
застыла.
Глаза его потемнели,
Обуглились.
Он сказал:
— Продкомиссар
Бундурин
И те, кто с ним были,
нынче
Убиты. Они пытались
Достать в губернии хлеб.
Хлеб голодающей Туле.
Хлеб голодающим детям.
Товарищи!
Контрреволюции
Мы сломаем хребет,
Небритые и скуластые
Мужчины стояли молча.
И слезы, туманя площадь,
Ползли в глаза молодух.
Старуха в платке по брови
В тяжелой толпе возникла
С красным лицом и сизым,
Вдруг прохрипела вслух:
«Дети-то, наши дети
Мрут они с голодухи.
Господи!» — зарыдала,
Выворотив нутро
Людам,
площади,
городу,
времени,
горю,
миру.
Го-спо-ди!..
Долго ночью
Стоял у окна Каминский.
Надо выстоять, надо.
Надо выжить суметь.
И, как в реке, колеблясь,
В черном стекле все время
Летело лицо старухи
И этот кричащий рот...

ЭНЕРГИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГУБКОМА

В Тулу
Товарищам Каминскому,
Оськину, Межлауку.
Товарищи! Значение Тулы
сейчас исключительно важно,
— да и вообще, даже не-
зависимо от близости непри-
ятеля, значение Тулы для
Республики огромно...*)
С коммунистическим при-
ветом
В. Ульянов
(ЛЕНИН).
Рвался к Москве Деникин,
Взят был Орел врагами,
Линия фронта к Туле
Двигалась, как волна.
Каминский Григорий
(Гриша —
Так его называли
Рабочие-оружейники)
Забыл, что такое сон.
Валясь от усталости,
ночью
Продолжал работать.
Выезжал на передовую.
Пропадал в заводских
цехах.
С товарищами по партии
Рубил саботаж под корень.
Спорил с меньшевиками.
Дрогнувших ободрял.
А в черных цехах
нетопленных
В пыли, в сквозняках
и копоты
Замасленные и ржавые
Работали туляки.
Жестоко они работали.
Коряво и тяжело думали,
Но долг они свой
исполнили,
Ружейные мастера.
Белье отступили.
И понеслась лавина.
Деникинцы покатылись,
Орел был красными взят.

В ГУБКОМЕ В МИНУТЫ ОТДЫХА

Александр Иосифович
Кауль —
Преподаватель истории,
Мягкий и непреклонный,
Лысеющий интеллигент.
В Губкоме
В минуты отдыха
Так говорил Каминскому:
— Григорий Наумович,
школу
Надо не упускать,
Григорий Наумович,
школа, —
Это дело первейшее
В битве за власть
народную,
В битве за нашу власть.

Вот отстоим винтовками,
Да расправимся с голодом
Смысл учителя школьного
Станет велик, как мир.
Пусть отправятся лучшие
В учителя поколения,
Чтобы выросло дерево
Из зеленых ростков...
— А что, Александр
Иосифович, —
Каминский ерошит волосы,
Глаза его загораются, —
Дерево будет жить!
А что если нам
попробовать,
Не откладывая надолго,
Собрать ребятшек
с улицы,
Коммуну из них создать.
Воспитывать их
по нашему,
Чтоб выросли
из мальчишек
Стойкие коммунары,
Твердые большевики.
Не дать в них погаснуть
смолоду

Ни одному таланту
Поэты и агитаторы,
Художники пусть растут!
Так возникла идея
Детской коммуны в Туле
С мастерскими и школой
Для беспризорных ребят.
В водвороте буден
Стала работать дерзко
Маленькая кузница
Юных большевиков.

РАССКАЗ БЫВШЕГО КУРЬЕРА-ТЕЛЕФОНИСТА МИШИ ЛЕБЕДЕВА

Работал я сначала
Курьером-телефонистом.
Каминский на мне
однажды
Остановил свой взгляд.
Его поразили, видно,
Одежда моя и вид мой
Болезненный, жалкий...
Я ведь
С детства недоедал.
«Одеть и обуть
мальчишку!» —
Сказал Григорий
Наумович.
Послал он меня работать
В коммуну тульских детей.
Во время боев
с Деникиным
Мы — дети тульских
рабочих —
Заправскими агитаторами
Выезжали на фронт.
Однажды Григорий
Наумович
Послал меня к дезертирам.
«Иди, — говорит, — Миша,
С ними поговори,
Ты постарайся, Миша,
Расшевелить им совесть...»
Я картуз нахлобучил
И отправился в путь.
Мимо стены
кладбищенской
Осторожно пробрался
В лагерь к ним. Дезертиры
Жались к жалким кострам.
Вид у них был ужасен:
Обросшие и худые,
Ободранные и злые —
Щетина лишь да глаза,
Хорошего не сулящие
Глаза... Подбираюсь
медленно,
Вступаю в контакт,
Разматываю
Опаснейший разговор.
Меня тогда чуть
не прикончили.
Но в самый момент
критический
Появился Григорий
Наумович,
Каминский на помощь
пришел.
Разговор был о самом
сухом
О хлебе, о революции,
О силе долготерпения,
О том, что выход один —
Драться за нашу
республику,
Нету другого выхода
Чтобы не превратили
Снова в холопов нас!..
На следующее утро
Бывшие дезертиры
Под нашим, под красным
знаменем
Снова пошли на фронт.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Слушаю слово бывшего
Курьера-телефониста.
Газету листаю тульскую,
Ветхий тот «Коммунар» —
Его листы пожелтевшие,
Его шрифты
побледневшие,
И душу мне обжигающие
Пылающие слова.
Еще вы тогда не ведали,
Еще вы тогда не знали,
Во что это все да выльется
И чем это станет все.
Но очень тогда вы верили,
Качающиеся от голода,
С глазами бессонно-
красными,
Что жить Республике,
жить.
Что жить ей расцветать
и шириться,
Светлеть под небесным
куполом,

*) Полностью — текст письма в Полном собрании сочинений В. И. Ленина, т. 51, стр. 65—66.

Что худшее все и лютое
Останется позади!

АРХИТЕКТОР СЕРЕБРОВСКИЙ

В Туле тогда,
рассказывают,
Жил один архитектор,
Седой, суховатый старец.
Мечтатель или чужак:
Во время боев
с Деникиным
В самый разгар разрухи
Он проектировал школы,
Хотел перестроить парк.
Таков чужак — архитектор
По фамилии Серебровский
(Узнать бы о нем
побольше —
Надо бы не забыть!)
Новая архитектура
В нем зарождалась
крупно,
Двадцатого века линии
Ему не давали спать.
А в это же самое время
Такой же чужак в Калуге
Раздвинул звездное небо...
Да здравствуют чужаки!
Каминский знал
Серебровского,
Следил за его работой.
Восхищался проектами,
Спорил со стариком.
По вечерам в Губкоме
Темнорусый Каминский
И седой Серебровский
Склонялись над чертежом.
— Вы иногда, наверное,
Смеетесь, Григорий
Наумович,
Над стариковскими
бреднями,
Мол, голод сейчас, сыпняк,
А я, Григорий Наумович,
Революцию принял вашу,
Как слав, как соединенье
Реальности и мечты.
— Ну что вы! Когда б
смеялся,
Сидели бы мы здесь
ночью —
В нетопленном кабинете?..
Вы лучше скажите мне,
Не лучше ли будет школу
Поставить в том переулке?
Там тише и зеленее,
А это здание снести...
И долго еще желтело,
Светилось окно в Губкоме.
О чем говорил архитектор?
И что предлагал
коммунист?
Мечтали они о светлой,
О солнечной, новой Туле.
А в городе в это время
Не строили ничего!

РАЗМЫШЛЕНИЕ ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Летом двадцатого года
Каминский прощался
с Тулой.
Его направляла партия
Работать в Азербайджан.
Григорий Наумович
медленно
Шел по улицам города.
И сердце вдруг защемило:
Трудно ведь уезжать.
Что ждет за чертой
Тульской
Тебя, Григорий Наумович?
И губы слегка улыбаются,
Складываются в слова:
«Умных пули стерегут,
Смелым головы секут!»
Посмотрим еще, изведем,
Ты врешь, поговорка
старая
Поборемся: мы — упрямые,
Помужествуем с судьбой.
А жил я, как все в этом
городе,
На скудных харчах,
ненасыто,
Ко мне уж идет пословица:
Туляк — стальная душа!
И встали в глазах
Каминского
Лица друзей-товарищей:
Прокудин пыльный,
Стремительный
Шурдуков. Александр
Кауль,
Всегда подтянутый,
замкнутый,
Рыцарь-интеллигент.
Были ошибки-промахи,
Были победы дерзкие.
Встал незабвенный
Фридрих,
Погибший в борьбе
за хлеб,
И вдруг неожиданно
возникло
Лицо старухи на площади,
И рот, прокричавший:
«Господи,
Дети с голоду мрут!..»
Василий Михеев медленно,
Глухо, надсадно
кашляет —
Бледный огонь чахотки
Тлеет в его лице.
Вписан в солнечный город
Светлый старик
Серебровский.
Торопится Миша Лебедев,
Курьер-телефонист...
— Ну что сказать
на прощание?
А я помню, дружка, как видно,
Не позабуду вас.

Москва.